

А. И. ВВЕДЕНСКИЙ В СТУДЕНЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

В Рукописном отделе Пушкинского дома содержится ряд любопытных редких материалов фольклорного характера, посвященных Введенскому, сохранившихся в архиве его коллеги по Историко-филологическому факультету Петербургского университета и Бестужевским курсам, члена-корреспондента Академии наук, филолога Ильи Александровича Шляпкина (1958–1918). Введенский преподавал на Высших женских курсах (к зданию которых примыкал дом, в котором он жил) с 1889 по 1918 г. с перерывом в 1907–1908 учебном году и во втором семестре 1910–1911 учебного года. До 1906 г. он вел занятия один, а с 1907 г. к преподаванию философии подключились И.И. Лапшин (с 1896 г. уже читавший на Курсах истории педагогических теорий), а также Н.О. Лосский и С.Л. Франк. Поначалу лекции молодого преподавателя были доброжелательно восприняты слушательницами. Так, одна из бывших курсисток, Наталья Николаевна Шамонова, ставшая женой историка С.Ф. Платонова, писала 7 октября 1889 г. учителю своего мужа бывшему директору курсов К.Н. Бестужеву-Рюмину о начале лекций Введенского: «Введенский пользуется большим успехом; впрочем, ведь это можно было предвидеть. Он получил также лекции на Педагогических курсах, где перед ним читал, и читал очень плохо – некий Манн. Введенский, конечно, и там пожинает лавры»². Однако со временем Введенский, придерживавшийся домостроевских нравов в быту, не высоко ставивший интеллектуальные способности женщин и не скрывавший своего мнения об этом, начал конфликтовать с курсистками. Профессор отказывался принимать экзамены у курсисток, «полагая, что женщина не может по настоящему проникнуться духом философии»³. Укрепившееся положение Введенского в университете и Философском обществе, поднявшие его научный авторитет, вероятно, добавили ему уверенности в выражении своего отношения к слушательницам курсов. Он стал «исключать» слушательниц из своей аудитории. Недопускаемые на лекции курсистки начали обращаться с жалобами на Введенского в деканат Историко-филологического факультета Бестужевских курсов. В этой обстановке на Курсах появилась карикатура, описание которой публикуется ниже. Карикатура сопровождалась сатирическим стихотворением на Введенского, в котором затрагивались темы лекций профессора, что легко проследить по литографированному изданию его курса «Введе-

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант 04-03-00395а).

² РО ИРЛИ. Архив К.Н. Бестужева-Рюмина. 24967/CZXXX647. Л. 13.

³ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ВЖК. Д. 1333. Л. 2.

ние в философию»¹. В 1903 г. получила распространение публикуемая эпиграмма на Введенского. Этот инцидент не был единственным. Введенский продолжал конфликтовать с курсистками. Высшей точки противостояние достигло в революционную пору 1906 г., когда слушательницы постановили учредить на Курсах независимую от Введенского кафедру философии. Вот как об этом информировал журнал «Русская школа»: «На СПб. Высших женских курсах состоялась общая сходка слушательниц. По вопросу об отношении к проф. Введенскому, была принята следующая резолюция: “Не считая ни настоящий момент, ни условия подходящими для того, чтобы входить по существу в разбор действий проф. Введенского, но считаясь с тем, что значительная часть слушательниц не находит для себя возможным заниматься у него, слушательницы высших женских курсов на сходке 21-го сентября 1906 г. признали необходимым учреждение параллельной кафедры философии”»².

Материалы публикуются по автографам, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

А.В. Малинов

[Описание карикатуры на проф. А.И. Введенского появившейся на Бестужевских курсах в 1900 г.]

В ноябре месяце 1900 года, когда напряженное состояние слушательниц Высших Женских Курсов, вызванное инцидентом Гусевой, достигло крайнего предела, среди учащихся, как и в 1899 году, снова замелькали листки, послания, стихотворения на злобу дня и вообще на все то, что в данный момент останавливало на себе внимание. Много потешало курсисток карикатурное изображение Проф. А.И. Введенского.

Рисунок исполнен по мысли и под руководством с-цы Рейтлингер, бывшей с-цей Карабеевой, учащейся в рисовальной школе. Стихи и подписи принадлежат Рейтлингер же. Рисунок исполнен карандашом на картоне.

Рисунок такой.

На высоком пьедестале изображен Введенский с поднятой рукой. Перед ним пали ниц две фигуры, над которыми надпись: «неразрывная ассоциация», перед группой с-ц, в числе которых замечаются Полынова, Васильева, младш[ая] Столица, Алехина, стоит на коленях, вперивши взор в профессора, сложив на груди руки, как во время молитвы, Е.И. Максимова, около которой лежит венок с надписью: «кумиру, богу моему!» С-ца Але-

¹ Введенский А. И. Введение в философию. Лекции профессора А. И. Введенского, читанные им в 1890 году студентам Императорского СПб. Университета. (Литография). Б. м., б. г. — 153 с.

² Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. 1906. № 10. С. 80.

хина держит в руках венки и около нее слова: «и я уж разорилась». «Неразрывная ассоциация» – слушательницы Столица и Волкович. Над фигурой Вв[еденского] изображены философы, из которых можно узнать Соловьева. Сверху их лупа – с лицом Невежиной. Сзади всех собачка. На пьедестале подпись:

«Я царствую! Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава.
Какой самообман: ведь я – не я,
А только представленья,
Ужели прозрачно как я мое ученье?
Я – был велик и стал ничем».
Затем, в стороне стихотворение под заглавием:

«Апофеоз философа»

Он памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему поклонницы протопчут тропы.
И далеко из края в край и самый отдаленный
Домчится слух пророческой молвы.
Умом могучим, блеском изложенья
Людей в экстаз он приводил,
Гипнозом странным, без сомненья,
Последний воли их лишил.
Не бог он был, но выше бога,
Он олимпиец на земле.
И люди, отрицая бога,
Пред ним склонялись робко все,
И все толпой смиренной, безответной
Пришли они кумира чтить.
Кто пал уж ниц,
И кто бы мог здесь слез не лить?
И в небесах философы рыдали
И все рыдало на земле.
Одна луна лишь усмехалась,
Плывя бесстрастно в высоте.
Да вот премерзкое творенье
Нахальства, дерзости полно,
Задравши хвостик в испугленьи
Ворчит и лает на него.
Из пальм венки они сплетали
И воскуряли фимиам,
И с умилением шептали:
О, ниспошли ты разум нам!

Он их учил, что он лишь представлень,
Что я – не я, не вещь в себе.
Графин хоть с пробкой, без сомненья,
Без пробки мог явиться он.
Объекты, данные нам в деле,
Не суть объекты никогда.
Умы людей не доглядели,
Что не субстанция одна
И, подчинившись лишь суждению,
Объект объектам стал друзья.
Но через это представлень
Не есть реально никогда.
Им он твердил неоднократно:
Что время есть всегда одно.
И коль нам кажется их много,
То все отрезки одного.
Антитезу с тезой различая,
Что антиномией зовут,
Их чепуховым называя,
Учить считал погибший труд.
В мозгу для каждого изгиб.
Беда зайдет как ум за разум –
Философ, ты тогда погиб.

(РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 2. № 519. Л. 1–3.)

Примечания

Макимова Екатерина Ивановна (1858–1905) – выпускница Высших женских курсов в Петербурге, в 1893–1905 гг. вела на Курсах практические занятия по философии, психологии, логике.

Цвет нашей интеллигенции
Словарь-альбом русских деятелей XIX в.
в силуэтах, кратких характеристиках,
надписях в портретах и эпиграммах П.К. Мартьянова СПб. [18]93.

А.И. Введенский

Нынче – красный, завтра – бурый,
Послезавтра – пестрый,
Мысли нашей критик хмурый,
Но умом не острый.

(РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 387. Л. 2.)